

Управляющая Суй, едва завидев Лю Цимина, тут же сбросила маску свирепости, и на её лице расплылась угодливая улыбка. Она затрясла своим тучным телом, семена навстречу, и заговорила неестественно тонким, приторным голосом:

— Ой, молодой господин! Как же вы решились пожаловать в такое грязное место? Здесь я за всем присматриваю, вы бы лучше отдыхали дома, наслаждались заслуженным покоем!

Когда она двигалась, жир на её бёдрах комично колыхался, вызывая тошноту.

Рабочие красильни, чтобы было удобнее трудиться, носили простую одежду из грубой ткани с узкими рукавами. В этот момент Сюлянь, вся промокшая, с трудом выбралась из чана с краской. Тонкая мокрая ткань намертво прилипла к её молодому, полному сил телу, подчёркивая изящные изгибы. От добавок, которые использовали в красильне, её кожа, слегка загоревшая на солнце, под слоем влаги приобрела странный, притягательный блеск.

С того самого момента, как Лю Цимин вошёл в цех, его взгляд словно примагнитился к промокшей фигуре Сюлянь, бесстыдно блуждая по её телу.

— Ого, это что ещё такое? — наигранно воскликнул Лю Цимин, не в силах оторвать глаз от девушки. — Управляющая Суй, что происходит? Я понимаю, сроки поджимают, но нельзя же доводить рабочих до травм! Если поползут слухи, что семья Лю притесняет своих людей, это будет выглядеть скверно.

На словах он отчитывал Суй, но в его глазах читалась неприкрытая жадность. Управляющая Суй, годами пробивавшаяся в красильне, обладала намётанным глазом и прекрасно знала повадки молодого хозяина. Именно эта проницательность помогла ей превратиться из простой прислуги в управляющую.

— Да-да, молодой господин, вы правы, это всё моя вина, проявила неосторожность! — Суй тут же изобразила раскаяние и заботу, подскочила к дрожащей Сюлянь и подхватила её под локоть.

Пользуясь случаем, она больно ущипнула девушку, приказывая молчать, и заискивающе улыбнулась Лю Цимину:

— Сестрица Сюлянь, прости, пожалуйста! Скорее, пойдём назад, переоденешься в сухое, не хватало ещё простудиться!

Она потащила ошеломлённую Сюлянь вглубь цеха, не забыв напоследок бросить Лю Цимину многозначительный, сальный взгляд.

В тот же вечер, когда Гоува уже крепко спал, в дверь настойчиво постучали. Раздался хриплый голос управляющей Суй:

— Сюлянь, Сюлянь, открывай скорее!

Сюй ввалилась в дом, словно у неё горело под ногами, и вцепилась в запястье Сюлянь, пытаясь вытащить её на улицу.

— Не знаю, какая бродячая кошка пробралась на площадку для просушки, — выпалила она, — всю партию ткани, что ты сегодня вывесила, сорвала на землю! Это срочный заказ, завтра утром уже нужно сдавать. Иди скорее помогать, если не успеем, всем нам не поздоровится!

Да Ню, услышав это, встревожился и потянулся за верхней одеждой, чтобы помочь. Сюй тут же дёрнула его назад:

— Ты куда собрался? А Гоува один останется? К тому же, складывать ткань — дело тонкое, у вас, мужиков, руки грубые, ещё порвёте чего, только хуже сделаете!

Да Ню решил, что она права, и не стал настаивать, лишь торопил Сюй, чтобы та поскорее вела Сюлянь, пока не случилось беды. Он и не догадывался, что с этой ночи их жизнь была обречена.

Сюлянь поспешила за управляющей в красильню. На площадке действительно царил беспорядок: ценная ткань валялась в пыли. Сюлянь, искренне переживая за товар, бросилась собирать его, не подозревая, что это не кошки, а ловушка, расставленная для неё.

Стоило ей нагнуться, как из темноты выскочили сильные руки и намертво зажали ей рот. Она отчаянно забилась, глядя на стоящую неподалёку Сюй в надежде на помощь. Но та лишь холодно смотрела на происходящее с торжествующей усмешкой, будто наблюдала за заранее отрепетированным спектаклем.

Сюлянь вырывалась изо всех сил и до крови укусила руку, закрывавшую ей рот.

— Ах ты, дрянь, кусаться вздумала! — взревел от боли Лю Цимин.

Сюлянь попыталась закричать:

— Помогите! Управляющая Сюй, спасите!

В ответ она получила несколько тяжёлых, яростных пощёчин. Перед глазами поплыло, и она потеряла сознание.

Очнулась она оттого, что её окатили ледяной водой. Сюлянь лежала на грязном холодном полу, дрожа от холода, совершенно нагая. Волосы прилипли к распухшему лицу. Сюй, возвышаясь над ней, отвесила ей ещё одну звонкую пощёчину.

Уперев руки в бока, она принялась осыпать девушку проклятиями:

— Ещё смеешь смотреть на меня, дрянь? Да будет тебе известно, что господин Лю на тебя глаз положил — это удача, о которой ты и мечтать не смела! Скажи спасибо, что он вообще не побрезговал твоим деревенским телом!

Она подняла с пола разорванную одежду и швырнула её в лицо Сюлян, как мусор.

— Будь умницей, — прошипела она. — Будешь ублажать господина — горя знать не будешь. А если вздумаешь упрямиться...

Она развернулась, виляя бёдрами, и походкой победительницы вышла вон, напоследок плюнув в сторону девушки:

— Тьфу! Неблагодарная дрянь!

Сюлян не помнила, как добралась до дома, волоча своё изломанное тело. Боль в теле и в душе резала хуже ножа. Она толкнула дверь: Гоуа спал, а Да Ню, проснувшись, испуганно приподнялся на кровати. Увидев его, она больше не смогла сдерживаться и разрыдалась — так отчаянно и безнадежно.

Да Ню был в ужасе, он принялся расспрашивать жену, но та лишь уворачивалась, не в силах поднять на него глаз. После долгих расспросов она рассказала ему всё, что произошло в этом аду.

Даже в эти просвещённые времена женская честь ценилась выше самой жизни. Пока Да Ню стоял, поражённый этим известием, не в силах пошевелиться, Сюлян собрала последние силы и с размаху ударила головой о глиняную стену.

Раздался глухой стук. Гоуа проснулся и залился плачем. Да Ню погладил сына по голове и хрипло произнёс:

— Гоуа, присмотри за мамой, отец скоро вернётся.

Он вышел во двор, схватил тяжёлый топор для колки дров. Его глаза налились кровью, он был похож на разъярённого зверя.

Да Ню, сжимая топор, словно вестник смерти, двинулся к внушительным, но зловещим воротам особняка Лю. Ночь была глубокой, улицы вымерли, дома стояли наглухо запертыми. Старый ночной сторож, заведя его издали и заметив топор, в ужасе бросился наутёк, прячась в тёмных переулках.

<http://bllate.org/book/18860/1840174>